
АННА
ЛЕДЕНЦОВСКАЯ
Белка
с волчьими
Клыками

Анна Леденцовская

Белка с волчьими клыками

«Автор»
2026

Леденцовская А.

Белка с волчьими клыками / А. Леденцовская — «Автор», 2026

У всех после свадьбы брачная ночь и медовый месяц, а у Белкиной, как всегда, все не по-человечески! Три дня на санях сквозь снег, и еще неизвестно, как примет стая мужа.А дальше... Кандажьи зеркала, больной пасынок, мрачная тайна первой жены Войтомира... Кто же тот паук, что сплел воедино магию зеркал и ведьмовские чары?Но наша Белочка не лыком шита. Клыки у нее побольше волчьих будут, да и друзья помогут со всеми проблемами справиться. А там и до «долго и счастливо» недалеко.Первая часть «Белка на метле»

© Леденцовская А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Темнолесье 5
Глава 2. Новый дом 9
Глава 3. Разборки и засада 13
Глава 4. Седьмая вода на гнилом киселе 18
Глава 5. Очень много дел 23
Глава 6. Допрос и смотрины 28
Глава 7. Зачем волку берлога? 33
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Анна Леденцовская
Белка с волчьими клыками

Глава 1. Темнолесье

В вотчину Войтомира, пересекши границу человеческих земель, они въехали только на третий день. Остановки в пути, конечно, делали — ноги размять, поесть горячего, но на ночлег общим решением нигде останавливаться не стали, время было дорого.

— Выдержишь? — на первой остановке в придорожном трактире, ожидая заказанную еду, негромко спросил у Оли князь.

Ну что она могла ответить? Кивнула и прильнула к его широкому плечу, чувствуя заботу и защищенность.

Гладкой дорога не была, всегда ведь найдется какая-нибудь гадина, что позавидует чужому. С оборотнями связываться, казалось бы, дураков нет, но всегда бывают исключения. Охрана в шкурах, стараясь оставаться незаметной, пропитание себе добывала сама, к постоялому двору не лезла, чтобы собак не баламутить, и складывалось впечатление, что из охраны у супругов с пареньком один Угд, он же кучер. Кандага на людях предпочитала старушечий облик, делая вид няньки при Йонтеке, что мальчишке, конечно, не сильно нравилось.

К тому же если платье Ольга сменила на удобную дорожную одежду, то снимать драгоценности муж ей строго-настрого запретил. Вот и блестела она, привлекая жадные взгляды, как витрина ювелирного магазина.

Скорее всего, разбойнички рассуждали просто. Остановить, связать боем мужчин и, вытащив из санок баб и пацана, забрать имущество. Мужиков решили прирезать, как и бесполезную старуху. А бабу и мелкого продать в веселый дом. Это было все, что успели выкрикнуть уверенные в своей силе бандиты, когда сани притормозили у завала из деревьев на дороге.

Дальше Оля слышала только крики, свист металла, мерные чвакающие звуки топора, хрипы и стоны. На окна она еще в первый день опустила шторы, чтобы не нервничать понапрасну от своих видений. Лимала посоветовала. Кандага после рассказа девушки долго хмурилась, проверяла стекла, потом покачала головой.

— Глаза тебе достались. Не хорошо это и не плохо, но видеть будешь. Тяжело, а придется привыкнуть. Кто нашими путями ходил, прежним уже не будет.

Что с этим откровением делать, Белкина понятия не имела, вот и прикрыла окошки от греха подальше.

Сейчас она была этому только рада, но на всякий случай, нащупав под сиденьем плоскую деревянную шкатулку с коваными уголками, выудила ее, готовясь кинуть в первую же бандитскую рожу, если таковая появится.

Настороженный бледный Йонтек уже давно сжимал в руке подаренный Войтомиром нож, и только Павлентий создал суету, в панике пытаясь найти угол, где спрятаться, и причитая, что он не готов пойти на чью-то шапку в расцвете лет.

Двери в возок и правда распахнулись, и Белкина, даже не успев разглядеть, кто там огромный и жуткий к ним лезет, швырнула свое нелепое оружие.

Угд, а это был старый орк, перепачканный кровью, плоский ящичек поймал на лету, а второй рукой ухватил Йонтека, с перепугу кинувшегося с ножом защищать Ольгу.

— Т-ш-ш... Остынь, боец! — рявкнул он. — Поцарапаешь мою старую шкуру. А она мне дорога, от мамы с папой досталась.

Юмор у бывшего повара был, как всегда, по-орочьи мрачновато-тяжеловесный.

— И ты, Олька, что, уже передумала быть женой князя? Чего документами брачными раскидываешься? Все закончилось уже. Я просто заглянул узнать, в порядке вы или нет. Сейчас ребятки Клыкастого приберутся тут маленечко, завал растащим и дальше поедем. Вы, главное, из саней не выходите. Ясно? И в окно не смотрите, нечего там разглядывать.

— Ты сам-то в порядке? — Ольгу замутило от густого запаха крови. — Выглядишь кошмарно.

Казалось, слова ее приняли за комплимент, так как Угд хохотнул, подмигнул ей и, отдав шкатулку, со словами «Да уж лучше, чем напавшие на нас голодранцы» закрыл дверцу.

На деревянной крышке остался смазанный кровавый отпечаток его ладони. Чтобы как-то успокоиться, Белкина начала стирать его первой подвернувшейся под руку тряпкой, выуженной из корзинки с крышкой. Фляжки с водой у них в возке имелись с запасом, так что очистить гладкую полированную деревяшку удалось без труда.

«Документы... — пришла ей в голову мысль. — Я ведь их так и не видела».

Чтобы отвлечься от звуков за стенками повозки, Оля решила наконец заполнить этот пробел и отомкнула крепкий, но не сложный замочек, скрепляющий крышку.

В плоском ящичке лежал всего один плотный лист. Несколько печатей и чуть смазанная подпись, поставленная волнующимся служкой из городского совета, придавали документу солидность.

Ольга пробежала глазами выведенные чернилами строчки. Потом еще раз, не поверив увиденному, и захохотала так, что аж слезы выступили на глазах.

Йонтек и Павлентий, азартно обсуждавшие, каким, по их мнению, оружием дрались оборотни и кто больше врагов порешил — Угд или князь самолично, испуганно уставились на нее.

Дверь повозки снова распахнулась, и в нее забралась взъерошенная кандага.

— Неужто в окно глянула и истерика с перепугу приключилась? А? Ольга? И чего регочет-то? Не умом ли помешалась с перекаляку? — Встревоженная Лимала в облике старушонки вытащила из кармана бутылочку темного стекла и попыталась сунуть ее Белкиной под нос, бормоча: — Так не должна. И пострашнее переделки видывала.

Местный аналог нашатыря вонял омерзительно.

— Фу. Кхе-кхе… — скривилась Ольга, чуть успокоившись и смахивая набежавшие слезы. — Нет у меня никакой истерики. Лучше посмотри, как меня тот чинуша в документе прописал. Мы ж даже не проверили.

Она сунула кандаге плотный желтоватый лист местного свидетельства о браке и ткнула пальцем в так развеселившую ее строчку.

«Посему девица Ольга, дочь Валерия, отныне именоваться будет Ольгой Белкой Клыкастой, женой князя Войтомира Клыкастого, владыки Темнолесья...»

— Я просила Войтомира сохранить мою земную фамилию, чтобы хоть что-то... — Она потрясла документом. — Сохранили, нечего сказать. Теперь я Клыкастая Белка!

— Белка Клыкастая, — поправил ее Павлентий, сунув нос в документ. — Прозвание княжеское всегда в конце ставят, а потом титулы, если в документе. А когда оглашают, то сначала титулы орут, чтоб уважение оказали, а потом именуют, чтоб знали, кому кланяться.

— Да без разницы. Мне кланяться не надо. Я теперь вообще по документам какое-то ископаемое, блин. Саблезубая белка. — Ольга опять засмеялась. — Но теперь, наверное, не исправить. Придется белке клыки отращивать, волчьи.

Лимала тоже фыркнула, пряча куда-то в складки одежды пузырек с вонючим содержимым, а Йонтек, сообразив, что все хорошо, даже попытался примерить в пасть бельчонку висевший у него на шее волчий зуб. Клык, приставленный к Павлентию, выглядел как орлиный клюв, а не зубы, поскольку был с четверть беличьей головенки.

— А если перевернуть и на нос, то носорог получится, — совсем развеселилась Ольга. Про битву на дороге пассажиры возка уже почти позабыли, благо, кроме страшных звуков да крови на Угде, и не видели, к своему счастью, ничего.

Потому, когда к ним через какое-то время заглянул Войтомир, он с облегчением убедился, что его жена и остальные вполне мирно, улыбаясь, разговаривают. Обсуждают почему-то клыки для фамильяра.

— Сейчас поедем, завал убрали, — сообщил князь, глядя на спокойную девушку, не впавшую в истерику при нападении, не метавшуюся, чтобы выскочить из саней, и не визжавшую, отвлекая от боя.

«Как же мне повезло. Она станет прекрасной женой и, наверное, сможет хоть чуть-чуть заменить мать Серовойту», — думал он, любуясь новоиспеченной спутницей жизни.

Примет ли Ольгу его волколачья стая, князь даже в голову не брал, да и сомневался, что его жена захочет попытаться влезть в государственные дела. По его наблюдениям, Белкина к власти не рвалась, богатством не прельщалась и скорее займется домом и бытом.

При мысли о доме всплыло рассказанное про сына. Войтомир помрачнел и, чтобы никто не заметил его тревоги, торопливо закрыл дверь повозки. Приказав двигаться, князь обернулся огромным темным волком и занял свое место среди охраны саней.

Под полозьями заскрипел снег, и мохнатые лошадки, бодро перебирая ногами, понеслись вскачь по расчищенной дороге. Лишь бурые пятна да взрытый снег на обочинах оставили память о недавнем побоище.

Сразу же после въезда на территорию земель Серой стаи сани остановились.

— Приехали? — удивилась Ольга, но, памятуя, что всякое бывает, выглядывать из повозки не рискнула. — Может, таможня какая или еще что? Павлентий, у вас на границе таможня есть?

— Есть, — дернул хвостом приятель. — Только кто же князя останавливать будет?

Рыжий прислушался, насторожив уши.

— Вроде разговаривает Войтомир с кем-то. Не ругается, но спорят, похоже.

С кем вел беседу князь Клыкастый, все они узнали буквально через несколько минут. Сани качнулись, и Угд, открыв дверь, сделал широкий жест рукой, молчаливо предлагая выйти наружу.

Йонтек и бельчонок, засидевшиеся и радостные, вывалились оттуда колобками в ближайший сугроб.

Оля запахнулась в шубку, подаренную мужем заместо тулупчика дворничихи, и тоже вышла, опершись на поданную руку зеленокожего приятеля. И тут же замерла, завороженная открывшимся видом.

Если и существовал где-то настоящий лес, тот самый, то это был он. Темнолесье. За высокими верхушками деревьев, казалось бескрайним морем уходящих вдаль, виднелись горы. Легендарная чаща словно густой мех покрывала пространство, но Ольге страшной не казалась. С улыбкой она рассматривала хмурое серое небо, занесенное снегом поле, а может, луг, лежащий перед лесом. Его разделяла уходящая прямо в стену деревьев дорога, на которой они в этот момент стояли.

— Ишь ты, еще и улыбается. Зря ты ее привез сейчас, княже, еще и с мальчишкой. Неужто девки не нашел, бабу с дитем взял? — Хриплый отрывистый голос неприятно резанул по ушам, заставив резко развернуться, чтобы увидеть говорящего.

Кряжистый седой мужчина с обветренным лицом хищно смотрел на нее из-под падающих на глаза длинных нечесаных прядей, из-под чуть вздернутой верхней губы виднелись кончики клыков.

«Тоже мне, изображает тут недовампира престарелого», — рассердилась про себя Белкина.

Сказать, правда, ничего не успела.

— Нюх ты, смотрю, потерял, Керганул, или специально смуту наводишь. — Обманчиво ласковый голос князя не ввел в заблуждение никого. — Сам меня в рощу отправлял. Вот я и нашел ту, про кого говорила оракул. Чем ты недоволен, старый друг? Йонтек не сын моей Ольги, а взят нами на воспитание по доброте и велению сердца. Другом станет моему Вою, если захочет.

— Пф... Жив еще куцехвостый, ну-ну… — Веселое орочье хмыканье чуть сбавило накал напряжения. — Мать, помнишь ухажера твоего, которому я метелку седую подровнял, чтобы он к нам на двор не шастал?

Из-за саней к сыну вышла Лимала. Кандага вернула себе облик орчанки и хмуро мерила взглядом старого оборотня, ноздри которого задергались, впитывая запахи.

— Я помню, и он, похоже, припоминает. — Ее рука красноречиво легла на пояс, где висели закрепленные боевые веера. — Жена князя — а она жена, Керганул, не невеста — под нашей охраной. Как и мальчик с Ольгиным фамильяром.

— Ведьма?! — Старик оскалился, обрастая шерстью. — Околдовали!

Он почти вывернулся из-под руки не ожидавшего такой реакции Войтомира, но тут ему под ноги кинулся серый зверь, встав уже человеком и ухватив старика за грудки.

— Отец, она мне и Гвиртеку жизнь спасла. Не ведьма она. И белка та не ее была. Нас спасая, привязала зверя. Хорошая жена князю досталась. Мне-то ты веришь?

Седой волк в полуобороте уткнулся в шею сына, с шумом втягивая в себя воздух.

— Хватес. Тебе верю, сын.

Казалось, все обошлось, старик даже извинился за резкость, но все равно попросил Клыкастого не везти Ольгу домой.

— Вторую жену сгубишь, князь. Темное что-то там творится. Нельзя вам туда.

— Там мой сын, Керганул. А Ольга... Она сказала, что если не хочу я, чтобы она была со мной и в горе и в радости, то и моей не будет. Тем более что нельзя все так оставлять. Надо спасать Серовойта.

— Как знаешь. — Хмурый глава совета стаи кивнул. — Только мы с твоего двора всех повыселили. Дом пустой стоит. Еду за дверь кладем и запираем. Жив там твой сын или кто другой вместо него — не ведаем.

Белкина представила огромную пустую махину с решетками и больного непонятно чем пацана, которого заперли там, как в тюрьме, и не выдержала.

— Войтомир, так нельзя, поехали. Йонтек, Павлентий, в сани. Лимала, надо спешить. Угд, гони. Не волки вы, а крысы корабельные, — выпалила она и в возок заскакивала на чистом адреналине уже почти на ходу.

Рассусоливать, выполняя указания, орк не привык. Краем глаза девушка увидела, как ее муж, не говоря ни слова, последовал за ней, одним прыжком взлетев на крышу повозки вслед за Лималой.

Сани набрали ход, несясь к лесу. Судя по волчьему «яп-яп», остальные серые кинулись за ними вдогонку.

Глава 2. Новый дом

Гонка была долгой. От границы мчались еще полдня почти без продыху, лишь раз остановились в дороге по нужде и снова рванули, чтобы не упустить время.

Ольга иногда приоткрывала шторку и посматривала на улицу. Лес был не всегда. Местами попадались деревеньки, в которых народ, особенно ребятня, высыпал к обочине. Если детвора приветственно махала, радуясь, видать, возвращению князя, то взрослые выглядели встревоженными: кто-то хмурился, а кто-то вмиг оборачивался зверем, чтобы успеть втянуть воздух и унюхать, кого везет Войтомир.

На княжий двор сани влетели хоть и не под вечер, но ближе к ужину. Отворившие ворота дюжие мужики были облачены в кожаные доспехи поверх подбитых мехом поддоспешников. Они сверкали звериным взглядом и красовались когтями на руках. Деревянный терем, а неожиданно именно так, как с иллюстрации в книге русских сказок, выглядел дом владыки Серой стаи, стоял с окнами, забранными решетками, на которые кто-то примотал еще пучки трав, похожие на засушенную пижму.

У крыльца и под окнами дежурила охрана с рогатинами и сетями, как будто на облаву какую собрались, а входная дверь на высоком крыльце с козырьком была заложена толстенным брусом засова.

— На дом-то не больно похоже. Красивое место, но как будто острог для татей. Чтоб душегубы не сбежали, — шепотом заметил Йонтек, и Павлентий, устроившийся на плече мальчишки, кивнул.

Войтомир шагнул к крыльцу первым, охрана расступилась перед князем, но неожиданно его поймали за рукав цепкие пальцы кандаги.

— Вот сейчас не спеши. Не пори горячку, а то дров наломаешь, как бы беде не случиться. — Голос Лималы прошелестел негромко, как шуршание осенних сухих листьев, но услышали его все. — Сначала я пойду да гляну. Ну и сына возьму. Оль, — женщина обернулась к неожиданно на миг растерявшейся Белкиной, — ты иди с мужем следом да рыжего держи под рукой, чую, он там в самый раз придется.

Глядя, как какая-то старая карга (а кандага снова сменила обличье на бабульку — божьего одуванчика) раскомандовалась их князем, телохранители заворчали и заперешептывались.

Успокоил волков старый Керганул:

— Так надо, друже. Князь подмогу привел. Если не они, то и некому больше. Сына мне спасли, можно верить. Но и самим не плошать, занимай оборону. Если что, нам на выручку идти.

Отрывистые команды главы совета стаи заставили всех собраться. На чужаков смотрели с настороженностью, но уже без недоверия. Принюхивались, конечно, как без этого, но не ворчали.

Рвавшийся к сыну Войтомир тоже не стал отмалчиваться. Он взял Олину руку, ту, что с артефактным колечком, которое надел ей на помолвку, и приподнял так, чтобы видели все.

— Это моя жена, и я доверяю ей все, что есть у меня. Себя, сына и все Темнолесье. Ее друзьям я обязан, и они проверены в бою мной лично и не раз, спину свою им доверю без колебания.

Что владыка не околдован и говорит как есть, волки и сами чуяли, к тому же прибежавшая с князем охрана уже успела рассредоточиться и кое-что кое-кому рассказать. Если охота на ведьму прошла мимо них, то разбойников в лесу били вместе, так что поручиться за чужаков могли не голословно.

Засов с двери старый орк снял играючи. Уложил тяжелый брус на крылечко по-хозяйски, не кинув, и негромко одобрил выбор материала:

— Ишь, тоже знатоки нашлись. Осиновый раздобыли. Видать, специально кто сработал, не берут обычно ее на запоры-то.

Лимала же, нацепив на нос окуляры, молча и сосредоточенно сделала жест открывать.

За дверью было темно и почему-то пахло сладковато-приторной гнилью, как из погреба, где давно хранились фрукты.

— Ух ты, как любопытно, — хихиканья маленькой старушонки никто не ожидал, — а сам, значит, шастать не опасается? Хм... Ну, дорожку-то мы ему закроем. Павлушенька, подь сюда, — позвала она фамильяра. — И ты, Олюшка, иди. Нет тут пока ничего опасного. Ты, моя хорошая, глянь как надо да отдай пакость своему рыжему. Ему на пользу, а нам чистый путь.

Едва Оля сделала шаг к кандаге, как муж положил ей руку на плечо, не давая идти дальше.

— Там кто-то есть. — Войтомир ткнул пальцем в темноту коридора, где Белкиной и правда почудился блеск глаз кого-то, затаившегося во мраке.

— Пустое. Ты, Оль, не прямо смотри, на то ведь и расчет, а как учила. — Лимала, усмехнувшись, сняла очки и протянула их Войтомиру. — А ты вот накось глянь да возверни потом сразу. Это чтоб не спорил, делу мешая. Непонятно, сколько придется чистить, дом-то у тебя в два этажа, да с поверхом. Кто ж знает, где здесь еще ловушек вражина понаставил.

Что увидал в магических окулярах муж, Белкина не знала. Сама она, уже привычно глянув наискось, тут же заметила знакомые тонкие ниточки, мерзкой паутиной затянувшие пространство у двери.

«Да что ж за паук здесь завелся? — задумчиво нахмурилась она, пытаясь сообразить, где подцепить, чтобы смотать все в клубок. — Что ему волки — мухи, что ли?»

— Оль, там магия? Да? — Павлентий, сидя у нее на плече, с любопытством повел носом, блестя глазенками. — Мне отдашь? В меня много влезет? Что только с ней делать-то? Шерсть у меня почти отросла, а колдунами белки не бывают.

— Ну, отрасти что-нибудь другое, — пожала плечами Белкина и оглянулась проверить, что Йонтек не сунулся следом и остался в безопасности под присмотром.

Пареньку, конечно же, идти с ними запретили, оставили с телохранителями у саней. Мальчишка было надулся, но кто-то из княжьей охраны, кто посообразительнее, выдал ему деревянную рогатину по руке да велел занять место у одного из окон, где решетки были понадежнее, и Йонтек повеселел.

— Она, Павлуш, магия. Та же, что на тех волках была. — Ольга, уже не опасаясь нападения, наклонилась рассмотреть эту мерзопакость поближе. — Тут целая путанка из ниток этих. Надо как-то убрать, но не пойму, откуда начинать.

— А какая разница? — удивился фамильяр. — Ты хоть одну оторви и мне в лапы суй сразу, глядишь, и размотаем. А то я пока ничего не вижу. Ни жути, что волки разглядели, ни магии. Может, мне тоже очки надо? Только нет, наверное, таких? Чтоб на белку.

Совет пушистика оказался дельным. Подцепленная нить лопнула от рывка, чуть расплетя колдовскую паутину, и получивший ее в когтистые лапки довольный Павлентий сунул ее кончик себе в пасть, как спагеттину.

Хлюп, чавк — и вот зловещая сеть начала распускаться, как неудачное изделие начинающей вязальщицы.

За дверью тут же посветлело, и просторные деревянные сени перестали казаться жуткими, со злобным, затаившимся в них кем-то.

Лимала, которой князь вернул очки, первой шагнула за порог, осматриваясь.

По обе стороны чуть дальше располагались две двери, а у самого входа было место, чтобы поскидывать верхнюю одежду. Еще дальше наверх вели ступени широкой лестницы. Неприят-

ный запах и сырость из сеней как-то сразу ушли, словно и их бельчонок съел. Теперь тут едва уловимо, уютно пахло сухим деревом и чуть-чуть звериной шерстью.

— Куда дальше направимся, Войтомир?

Хоть кандага и шла впереди, но женщине хватало мудрости не соваться куда-то без совета. Она понимала, что в чужом незнакомом доме лучше не лезть на рожон, мало ли что. Ну, не пустила она князя вперед, так потому, что магические ловушки были рассчитаны на оборотней. Только и идти дальше без хозяина дома тоже не планировала.

— Не знаю. — Голос мужа Ольги был хрипловат от волнения, у Белкиной и самой в горле пересохло, и она то и дело нервно сглатывала слюну. — К сыну надо спешить, он должен быть наверху. Там его комната. Только ведь если здесь внизу есть что недоброе, то за спиной это оставлять не след. И сами подставимся, и Серовойта не спасем. — Отцовские чувства сейчас боролись с княжеским разумом, привыкшим рационально оценивать ситуацию.

— А что там? — Угд ткнул в левую дверь, внимательно ее разглядывая, а потом кивнул в другую сторону. — И там?

— По левую руку зал для приемов, деленный на две части, как баня. Комната для ожидания, а потом сам зал. По правую — трапезная, оттуда есть ход в коридор, который ведет на кухню и в остальные помещения, хозяйственные и для челяди. — Что даст Угду эта информация, Войтомир не знал, но предполагал, что старый орк спрашивает не зря и явно не для того, чтобы потянуть время.

А тот и не тянул. Высунулся на двор и махнул Керганулу:

— Эй, ты ж тут за старшого остаешься? Давай-ка сюда пару своих хлюпиков! Да пусть скобы и топоры прихватят. — Угд оскалился с напускной насмешкой, словно дразня волков. — Таких, чтоб хвосты не поджали да зайти сюда рискнули.

— Да тут каждый за князя ринется, так что репьи свои языкатые ты, зеленошкурый, себе засунь... кхм… Сам с сыном подмогну, коль нужда есть. Негоже караульных с места на место гонять, — не полез за словом в карман глава совета стаи.

Идея Угда была проста и, как все простое, гениальна. На дверь в проходное помещение, ведущее в остальные на нижнем ярусе терема, орк с помощью оборотней укрепил скобами засов из того самого обережного осинового бруса, что снял со входа. И травы сушеной, которую Белкина про себя так и обзывала пижмой, велел накрутить.

— Вы туда, — кивнул он налево, как только волки приволокли требуемое, — а мы пока тут чуток подзамуруем. А потом и наверх все вместе рванем, чтоб времени не терять.

В приемном зале мерзкой паутины почти не было. Отдельные нити блестели на окнах. Вероятно, для того, чтобы смотрящим снаружи оборотням мерещились какие-то ужасы.

Очистили зал Ольга с бельчонком быстро. Лимала в это время внимательно осмотрела стылую печь-камин. Руку к трубе приложила и покачала головой.

— Топил кто-то. Если, князь, в человеческом облике твой сын в лежку лежит, а бегать может только зверем лютым, то, видать, совсем обнаглел наш злодей. Как по своему дому ходит, оборотня не опасается... Странно все это. Не то я, похоже, думала…

Кандага замолчала, нахмурившись. Проверив, что ни ниточки колдовства не осталось, Лимала вернулась к сыну, который как раз навешивал брус на двери трапезной.

— Хорошо сделали, — одобрила она. — Теперь и наверх можно.

На лестнице ловушек не обнаружилось. Видимо, мерзкий гад желал разгуливать по терему свободно, завесив только выходы на улицу и окна, потому как в коридоре и на остальных дверях не было ни паутинки.

Князь с трудом удержался, чтобы первым не влететь в комнату сына. Отросшие когти на руках поранили ладони, так он сжимал пальцы в кулаки.

Ох как заругалась на него Лимала! Разве ж можно свою кровь ронять там, где злая магия поселилась? Угд сунул Ольге банку с мазью, чтобы подлечила мужа, и сел на корточки, тщательно затирая пятна и присыпая их чем-то из матерчатого мешочка.

Дверь в комнату княжича тоже открывал орк. Причем подготовился он не на шутку. Из заплечной котомки, что так и таскал с собой, выволок тяжелый, с металлическими клепками ошейник-нагрудник, на руки натянул такие же перчатки, а вместо оружия достал из-за пояса деревянную ложку-разливашку.

Из темного помещения на них никто не выпрыгнул, но словно из склепа пахнуло гнилостной сыростью и еще холодом. В отличие от всего дома там точно не топили.

Войтомир, оскалившись и с трудом удерживая себя на границе оборота, попытался обогнуть вставших в дверях кандагу с сыном. Даже рыкнул было, но положенная на плечо рука жены чуть остудила бьющие через край эмоции, тем более что Лимала, вскинувшись, опять стала орчанкой. Очки, органично смотревшиеся на бабуле, теперь нелепо съезжали с широкого носа с горбинкой.

По зеленой щеке кандаги опять поползли ледяные шипы, заставляя один глаз вспыхнуть звериной яростью и болью.

— Жив. Оля, аккуратно. Там у кровати понаверчено, но не ловушки. Точно. — Палец орчанки, словно рисуя в темноте, провел линию куда-то к стене справа от входа. — Это сигнал для кого-то, что к мальчишке рискнули зайти. Чтоб мне больше никогда облик не менять, если там не зеркало. Княже?

— Так это все, что осталось Серовойту от матери. Это раньше ее комната была, она здесь с ним и жила. Он маленький был. А потом остался...

Белкина не понимала, почему они не заходят, зачем эти разговоры. Надо же забирать паренька, жив — это хорошо, хоть и странно в таком холоде. Держа на руках Павлентия, она попробовала протиснуться между косяком и старым орком.

Угд, пытаясь что-то сказать, отклонился в сторону, и Ольга переступила-таки порог и сделала пару шагов. Запнулась обо что-то в темноте, это ее и спасло.

С кровати взвилась в воздух темная фигура с горящими глазами и пролетела над головой девушки, пытаясь извернуться в прыжке, чтобы хоть когтями зацепить распластавшуюся на полу и потому не схваченную добычу.

Почему-то Войтомир не учуял зверя, да и Лимала не поняла, что княжич сейчас не человек, и такой засады от хищника никто не ждал.

В помещение, едва не расплющив друг друга, кинулись все и чуть не придавили не успевшую встать Ольгу. Точнее, придавил ее Войтомир, который упал сверху, отрастив шерсть и прикрыв жену всем своим волчьим телом.

Павлентий еле выскользнул из-под рухнувшей туши князя в звериной шкуре.

Пронзительно вскрикнула Лимала, что-то брякнуло, и внезапно раздался детский всхлип и тоненький скулеж.

— Я фе не спефиально... — Растерянный, почему-то шепелявый голос бельчонка сработал словно спусковой крючок, потому как неожиданно посветлело.

— Завесь стекляшку, — стон кандаги был полон боли, — все потом...

Скулил волчонок, что-то шипел фамильяр.

Белкина, сообразив, что, кажется, страшное закончилось, пыталась спихнуть с себя волка, отплевываясь от шерсти, но закаменевший Клыкастый не двигался, словно стал чучелом. Оля чувствовала, как стучит его сердце, но тело Войтомира будто остывало, становясь все холоднее.

— Павля, да кусай его скорее. Вот дурень. Какая разница куда. Жуй, белка глупая, — почти задыхаясь под становящимся все тяжелее телом зверя, услышала она странный приказ кандаги.

Глава 3. Разборки и засада

Ольга смогла наконец вздохнуть, потому как тяжелое тело волка с нее стащил Угд, да и оборотень, к ее облегчению, вроде потеплел, и она увидела, как его остекленевшие до того глаза пару раз моргнули.

Девушка села, а потом ее взгляд уперся в совершенно нелепую картину. На мохнатом бедре князя Клыкастого висел, словно оголодавший вампир, Павлентий, ставший поистине доисторической саблезубой белкой. Клыки пушистика, из-за которых у него, видимо, и случился дефект дикции, так надежно фиксировали фамильяра, что, даже когда оживающий Войтомир резко дернул лапой, пытаясь сбросить кусючего рыжего комара-мутанта, тот все равно остался висеть, испуганно пуча глазки-пуговки.

Его не оторвал от спасенной жертвы даже оборот. Только руки мужчины, который морщился от боли, смогли аккуратно извлечь зубастого бельчонка из ноги. И тут же, помня наказ кандаги, Войтомир зажал рану, чтобы кровь не текла.

— Я не фотел. — Павлентию стало ужасно неловко. — Фпафал.

Владыка Темнолесья лишь насмешливо фыркнул, заматывая рану.

— Понял я, понял. Но все же клыки бы поменьше тебе, а то так будешь спасать и загрызешь, не заметив.

А потом, словно только сейчас осознав, он вгляделся в того, вокруг кого хлопотали Лимала и Угд. Метнувшись к ним, рухнул на колени, сгребая в охапку и прижимая к себе бледного и тщедушного мальчишку с волчьими глазами, на лбу которого наливалась фиолетово-синим здоровенная шишка, а на плече в прорехе разорванной рубашки виднелись царапины от беличьих клыков.

— Войт, сынок. Жив! Да как же так? Да что ж... — По лицу князя текли слезы, а он их даже не замечал.

Паренек скулил, словно зверек, но сказать ничего не мог. Его взгляд перебегал с лица отца на лицо подошедшей Ольги, на плечо которой уже вскарабкался Павлентий, шепеляво жалуясь на отросшие клыки.

— Да сточишь потом обо что-нибудь. — Белкиной сейчас было точно не до жалоб пушистого приятеля.

Лимала баюкала прокушенную бывшим не в себе княжичем руку. Угд хмуро рылся в заплечном мешке, доставая какие-то сверточки и баночки, а Войтомир, казалось, забыл обо всем, уткнувшись в макушку больного сына.

Больного ли?

Мысль, пришедшая Ольге в голову, была весьма здравой. Те волки в ее спальне тоже пытались кидаться на собратьев и вели себя странно, хоть совсем разум не потеряли. Сын же Войтомира, как она поняла, болеет уже давно, а в человеческом облике уже даже говорить не может.

Она чуть отвернулась, а потом глянула искоса на паренька и охнула в ужасе. Все тело Серовойта не просто опутывали паучьи нити, они словно проросли через него. Хуже всего было то, что мерзкая паутина, будто учуяв рану князя, как живая выпустила щупальца, пытаясь с неизвестной, но точно отвратительной целью пробраться под стягивающую ногу повязку.

Фамильяр не ожидал, что вместо сочувствия боевая подруга стащит его с плеча за шкирку и, ухватив с ноги мужа сначала невидимый, а потом обретший цвет и плотность серебрящийся волосок чужой магии, сунет ему в пасть.

— Быстрее, — прозвучал короткий приказ, волчонок на руках отца тут же взвыл, пытаясь обернуться.

Как только Павлентий начал тянуть в себя чужое колдовство, мальчишке словно поплохело. Нить-щупальце с ноги князя бельчонок всосал шустро, а дальше что-то пошло не так. Войтомир зарычал, пытаясь отбросить зверька, но Белкина не дала, крепко обняв его за плечи.

— Держи сына и не давай ему обернуться. Не мешай. — Она прижимала мужа к себе, на всякий случай сунув ему под нос руку с кольцом и напомнив сказанные охране слова о доверии.

Из княжича, казалось, тянули жилы, так его выгибало. Угд что-то шаманил, рассыпая у зеркала соль, рисуя вокруг оправы закутанного артефакта невидимые символы. Лимала, присев на корточки рядом с Павлентием и смотря сквозь очки, указывала бельчонку на самые плотные скопления паутины.

Бисеринки пота на лице мальчишки уже стали красными, а кокон все не поддавался. Паутина пыталась вырваться и превратиться в монолит.

— Не выходит! — Кандага в отчаянии соображала, что еще можно сделать. Чем больше они старались снять магию с парнишки, тем хуже ему становилось. Выход оставался один: надо пробовать делать это, когда княжич в звериной шкуре.

Павлентий с испуганными глазами и полной пастью проклятой паутины был посажен на шею мальчишке и, вцепившись в него когтями, замер, дрожа всем телом. Лимала с Олей отошли к открытой двери, а Угд с деревянной ложкой в руках, одетых в перчатки, занял оборону, прикрывая женщин.

Князь поцеловал визжащего и вырывающегося из рук пацаненка в лоб, а потом с силой швырнул его на кровать, после чего в прыжке к дверям извернулся сам, становясь оскалившимся волком.

Буквально тут же в стороны полетели перья из распоротой острыми когтями оборотня подушки, и с кровати молча, сверкая глазами, на отца напал сын.

Правда, в этот раз на загривке свихнувшегося волколака сидел, как лихой кавалерист, рыжий наездник с набитыми, как у хомяка, щеками и торчащими изо рта клыками.

Наверное, если бы Павлентий мог, он бы верещал от страха, но бельчонок не мог, он лихорадочно, давясь, жевал, пытаясь быстрее поглотить чужую злую магию.

— Главное — не кусай, опять обернется человеком и силы потратит, — пытаясь перекричать шум боя, орала кандага Павлентию.

Хотя на нервах, с трясущимися руками, Белкина прикинула, что, может, и Войтомиру. Непонятно же, из-за чего Серовойт обернуться может, а в человеческом теле паренек и правда был едва жив.

Старый орк примеривался своей черпалкой, чтобы попытаться оглушить мальчишку, если что, но сцепившиеся оборотни сплелись слишком сильно. Шерсть летела во все стороны. Рык и визг стояли такие, что уши закладывало.

Опытный в боях отец умудрился как тисками зажать пасть сына своей, но взбесившийся волчонок драл его когтями, вырывая клоки шкуры и пытаясь распороть ее на брюхе.

Кончилось все так же внезапно, как и началось.

Вот по полу катается воющий и рычащий темный клубок, а потом миг — и он распадается, будто оборотней разметало в разные стороны. Посередине, словно яркий пушистый мячик, отвалившись с загривка княжича, брякнулся осоловевший от магического пира бельчонок, с присвистом выдав:

— Ффе фъел. Фпать. — И тут же, свернувшись клубком, засопел, накрывшись роскошным веером хвоста с заново отросшей пушистой шерсткой.

Серовойт, тяжело дыша, лежал пластом на боку и косился звериными глазами на обернувшегося человеком отца, поднимающегося с пола. Через прорехи располосованной лохмушками рубахи виднелись глубокие кровоточащие царапины от когтей.

Войтомир тоже кидаться к сыну не спешил, принюхиваясь, несмотря на человеческий облик. При этом он вопросительно косился на внимательно рассматривающую волчонка Лималу.

Угд меж тем по просьбе Ольги шагнул вперед, угрожающе рыкнув на всякий случай мелкому оборотню:

— Только сунься! — И своей ложкой-черпалочкой ловко подхватил меховой клубок из спящей белки. Хвост при этом свесился вниз, но Павлентий, посвистывая носом, даже не проснулся.

Белкина тут же забрала пушистика и прижала к себе, а старый орк снова взялся за котомку с банками-склянками, служившую ему походной аптечкой.

— Убрал, кажись, наш зубастый с парня всю пакость, — наконец вынесла вердикт кандага. — Чего лежишь-то, глазами зыркаешь? Оборачивайся давай, да уйти надо отсюда куда-нибудь. Тут у тебя не спать, а мясо-рыбу хранить можно. Перекидывайся. Хоть и ослабеешь, но тело слушаться будет. Может, и рассказать что полезное сможешь, чтоб изловить да в порошок стереть ту гадину, что все сотворила.

По телу волчонка прошла судорожная волна, и вновь на полу распластался худой мальчишка с сочащейся из прокушенной губы кровью, набухающей синевой заплывшей шишкой от орочьей ложки и царапинами от беличьих клыков. И глаза у паренька, к облегчению Белкиной, были обычные, темно-серые, человеческие.

Князь уже опять сгреб его в охапку и баюкал, как маленького. Слабые бледные руки с синеватыми прожилками вен и обгрызенными под корень ногтями, все в каких-то царапках и ссадинах, неловко обнимали отца.

— Б… кх-кха… батя… — Сиплая и едва слышная, но вполне нормальная речь заставила всех замереть, ловя каждое слово.

Повар уже торопливо подавал фляжку с отваром, а потом даже стянул с себя меховой жилет и закутал паренька. Мальчишку, жадно пьющего живительную влагу, била крупная дрожь.

— Надо найти его. Тут он где-то, — синюшными губами сквозь кашель шептал Войтек. — Не пускайте его сюда, он ключ. Для того...

Слова, казалось, отнимали у волчонка все силы.

— Идем отсюда. — Войтомир встал и с сыном на руках вышел из жутковатой комнаты, кивком велев остальным следовать за ним.

Но не успели они сделать и пары шагов по коридору, как собравший, видимо, последние силы мальчишка задергался, пытаясь их остановить.

— Нельзя. Нельзя… кхе-кхе... ухо...кхе...дить. — Парнишка умоляюще смотрел в обеспокоенные глаза отца. — Он придет… кхе-кхе…

Компания замерла в коридоре, переглянувшись.

— Серовойт и до этого говорил про кого-то, да и печь внизу была топлена, — вспомнила Ольга, прижимая к себе безмятежно спящего фамильяра.

— Топлена, — подтвердила Лимала. — А что шастает тут кто-то, и я говорила, вот только понять не могу кто. Ежели бы тот, про кого я думала, то мы бы так легко сюда не вошли. К тому же не по силам ему так запросто в княжий терем забраться да жить. Даже в отсутствие хозяина. Нет у ведьмака этой силы.

— Ведьмака? — Глаза у Войтомира загорелись, как пара фонариков, лютой злобой. — Знавал я одного ведьмака. Давно это было. Осиротел я тогда, но думал, что не спаслась та тварь. Глотку ему порвал, сам еле выжил. Полумертвого дриада-оракул выходила. Как в рощу ту приполз — и сам не помню. Неужто они мстить могут? Ведьм-то много. Хоть и проредили в свое время их знатно, но вот про ведьмаков, кроме того, я не слыхал.

— Нет. Тут не ведьмак. Это точно, хоть магия ведьмовская. — Угд, словно охотничий пес, встал на карачки и стал внимательно обследовать двери, пол в коридоре, рассыпая что-то и пришептывая, будто шаманя. При этом старый орк негромко размышлял вслух:

— Запах волчий, но как будто слабый. Ходит как человек. Только странный какой-то. Ступает так, словно боится, но красться не умеет вовсе. Магия есть на нем, но не маг и не ведьма. Как так выходит-то? Не мог человек сюда попасть. Да еще страху нагнать на княжескую охрану так, что они аж княжича в тереме заперли. Кандага? — Угд покосился на мать, и женщина тут же перетекла в свою истинную форму.

Пробыла она черной субстанцией недолго, потом вернулась в орочье тело и отрицательно покачала головой.

— Нет. Да и зачем это кандаге? Чтобы ребенка замучить? В чем прок?

— Он злой… кхе… шуба волчья. Не такой, но человек. — Войтек пытался объяснить, но долго говорить у него не получалось. Паренек начинал давиться и беспрестанно кашлять. — Придет. Всегда… кхе...

Худое тело подростка на руках отца забилось в хриплом кашле, и Ольга, забрав у Угда фляжку, а Павлентия всучив Лимале, попыталась его напоить.

— Тише, тише, не спеши, — уговаривала она мальчишку, стараясь, чтобы хоть что-то попало к нему в рот и он не облился. — Давай лучше сыграем в угадайку. Мы будем что-то говорить, а ты, если это так и есть, кивай. А если неправильно, то покачай головой из стороны в сторону. Чуть-чуть. Мы поймем. Ладно?

Серовойт кивнул, признательно и серьезно смотря на девушку.

— Из комнаты тебя забирать нельзя? — начала Белкина, и княжич кивнул.

Вопросы задавали все по очереди, и выяснилось странное.

По всему выходило, что в тереме поселился человек. Вышел он из зеркала, и когда Серовойт, будучи волком, на него кинулся, то почему-то стал обратно человеком. Незнакомец приходит по ночам проверять. Носит волчью шубу и разговаривает с зеркалом. Все время хочет провести кого-то, потому что он ключ. Еще — но княжич был не уверен и вместо оговоренных действий только плечами пожал — этот некто мог как пряжу вынимать из зеркала чью-то магию и носить ее по дому.

Для самого князя Клыкастого главным было сейчас, что противник — человек.

— Если в засаде будем, не учует. Да и не увидит в темноте. Поймаем, — тут же озвучил он новый план. — Если я человеком из волколака стану, все равно заломаю гаденыша. А не смогу — так Угд подсобит.

Старый орк согласно кивнул. Ольга с Лималой тоже план одобрили. Только решили натащить в спальню волчонка побольше одеял, чтобы не замерзнуть.

Угд схоронился за дверью, чтобы сразу блокировать путь к бегству. Лимала темной лужей с бирюзовыми огоньками глаз растеклась ковриком неподалеку от накрытого зеркала, а Ольгу с белкой и сына Войтомир, обмотав одеялами, засунул в огромный шкаф от греха подальше.

Сам князь затаился на кровати Серовойта в волчьем обличье, зарывшись в постель так, чтобы торчали только уши и кончик морды. Все же зверь его был раза в четыре крупнее, мало ли что вдруг пойдет не так.

И как оказалось, правильно сделал.

Ждать пришлось не так уж долго. С того момента, как наша компания вошла в дом, минуло уже прилично времени.

Шаги услыхали все. Человек не сильно скрывался, а еще, видимо, имел привычку говорить сам с собой, потому как вместе со стуком шагов слышался какой-то ворчливый бубнеж.

Ольга как раз смотрела в маленькую щелку, специально оставленную ей между дверками шкафа. Вошедший человек и правда не видел в темноте и поэтому нес в руке тускловатый фонарь, освещая дорогу.

Распахнув дверь в комнату княжича, мужчина приподнял светильник повыше и сделал пару шагов внутрь со словами:

— Что, псина, не издох там еще?

— Аркадий! — узнав человека в мохнатой шубе, выдохнула Белкина.

Глава 4. Седьмая вода на гнилом киселе

Тихого шепота Ольги сын Виктора Петровича не услышал, зато выросшую за спиной огромную фигуру орка краем глаза уловил и метнулся к кровати княжича, доставая из-за пазухи нож.

— Зарежу вашего задохлика, только сунься, — взвизгнул он, считая, что его подкараулил кто-то из расхрабрившихся телохранителей, и планируя спасти свою шкуру, угрожая княжичу. Делов-то — коснуться волчонка, а потом приставить нож к горлу неподвижного парнишки.

Только не предвидел мерзавец, что вместо княжича из-под одеял взметнется с рычанием матерый хищник. Магия, рассчитанная на волчонка, вернула человеческий облик Войтомиру, но в отличие от сына он был здоровым мужчиной и опытным бойцом.

Ловушка захлопнулась, да только не до конца. Хоть и завесили зеркало и накрутили вокруг рун, но пойманный за руку с ножом мужчина умудрился извернуться и кинуть в него фонарь. Стекло светильника разбилось, высвобождая маленький шарик магической субстанции, который впитался в ткань и зеркало под ним. Металлический же корпус самого фонаря зацепился за накрывашку и потянул ее вниз.

Аркадий визжал, поскольку разъяренный князь как сухую ветку сломал ему руку, тряхнув, будто куклу.

В освободившемся от покровов зеркале на мгновение проступило угрюмое, в буграх шрамов лицо седого старика.

— Аркхан, ты не справился, — словно плюнул он словами, обращаясь к корчащемуся от боли человеку, а потом перевел взгляд черных, как тьма, глаз на искаженное от ненависти лицо явно узнавшего его Войтомира. — Весь твой род изведу, псина шелудивая. Дотянусь до каждого. Уолин была первая. Загрызла бы тебя глупая девка, и пачкаться бы не пришлось.

— Отец, спаси меня! Я же тебе нужен. Я ключ, ты сам говорил, — завопил Аркадий в надежде, что ведьмак сотворит чудо и всем сейчас не поздоровится.

— Ты мне больше не нужен. Ход и так почти открыт. Мне надо только подождать. — В руке мерзкого деда, которую он поднес к стеклу, красовался крошечный кубик с блестящими гранями. — Вы будете умирать долго и мучительно. И ваш лес, и все живое.

Видимо, Лимала, которая до поры притворялась просто незаметным темным ковриком, больше терпеть уже не могла. Женщина за мгновение приобрела излюбленный облик рыжей орчанки, а потом, почти прильнув к зеркалу и с насмешкой глядя в лицо опешившего старика, прошипела:

— Лиднатир, я ведь обещала тебе когда-то, что наши дорожки пересекутся и ты свое получишь. Смотрю, спешил на свидание, даже подарок приготовил?

Судя по тому, как мужик отшатнулся и пропал в потусторонней тьме, а стеклянная поверхность вновь просто отражала всех и все, как обычное зеркало, напугала его кандага знатно. Кого-кого, а ее ведьмак точно видеть был не рад.

— Все-таки он. — Женщина снова набросила на артефакт покрывало и повернулась к остальным.

— Он убил моих родителей. — Князь, сжав кулаки, невидяще смотрел на ткань, что скрыла зеркало, отражавшее кровного врага. — И Уолин, получается, тоже он? И Серовойт.

Войтомира трясло. Аркадий, скорчившийся у его ног, испуганно притих, всхлипывая и баюкая сломанную руку. Бежать мерзавец даже не пытался.

Куда?

У двери скалой стоял татуированный, лысый как колено зеленокожий старик с седыми клочьями волос на кончиках ушей и недружелюбно скалил клыки. У зеркала притулилась

орчанка, половина лица которой сейчас покрылась ледяными шипами, а один глаз был словно позаимствован у чудовища.

Как и все подобные мерзавцы, мужчина был трусом и издевался только над теми, кто не мог дать отпор.

А еще он сейчас лихорадочно думал, что ему делать, чтобы остаться в живых. О планах того, кого еще недавно гордо считал отцом — не простого человека, тупого, с его точки зрения, старого вояку и инвалида Виктора Петровича Демичева, а ведьмака, могучего Лиднатира, — он знал мало. Но ведь что-то знал. К тому же считал, что никому вреда не причинил. Даже вон дом топил и остальных оборотней отпугивал, чтобы мальчишка на них не напал.

Пока страшные нелюди обсуждали ведьмака, Аркадий уже почти составил речь о том, как его обманули, заколдовали и принудили, но тут скрипнула дверь стоящего в углу шкафа, и из него вылезла та самая толстуха, из-за которой он и очутился в этом мире.

Мерзкая баба щеголяла с виду дорогущими цацками и прижимала к себе мальчишку-княжича и какой-то рыжий меховой комок.

Что-то щелкнуло у Аркадия в голове, весь мир сузился до одной фигуры ненавистной тетки, и он, по-бабьи взвизгнув, взвился на ноги с воплем:

— Ах ты, сука! Все из-за тебя! Тварь подзаборная. Жирная шлюха. Жаль, не успели мы...

Взмах руки моментально отрастившего когти оборотня — и оторванная голова, страшно вытаращив глаза, подкатилась прямо под ноги побледневшей Ольги.

— Поторопился, князь. Много, наверное, знал этот червяк, — брезгливо сморщившись, покачал головой Угд. — Расспросили бы вначале, а уж потом...

Но Войтомир так по-звериному глянул на старого орка, что тот только руками замахал.

— Расспросим. Хоть и непросто будет, но что-то да узнаем. Ты бошку-то подбери. Почитай, не капусты кочан, да и кровь собери. Нужна она будет. Непростая у этого типа кровушка, — обнадежила кандага сына. — А ты, князь, не рычи. Жену вон успокой. Того и гляди от суда твоего скорого, хоть и справедливого — все же чести княгини урон словесный был, а потому ты в праве своем супругу защитил — как бы она сознание не потеряла. Тем более знала мерзавца. Вот ворох ниток, во все стороны хвостики торчат. Надо воедино связывать. Иначе не распутаем ничего.

Орчанка снова превратилась в старушку и стала помогать сыну сцеживать кровь Аркадия в бурдючок, словно с поросенка.

Ольгу замутило, и она с облегчением уткнулась в плечо подскочившего мужа. Сбоку к ним прильнул княжич. Тихонечко присвистнул носом все проспавший, так и не проснувшийся Павлентий.

Белкиной было не жаль младшего Демичева, который оказался даже не сыном дяди Вити, а вот мысль об одиноком пенсионере-инвалиде, который единственный, наверное, на Земле проявил к ней доброту, отдавала горечью. Узнать, что с ним, очень хотелось.

Поздний вечер и часть наступившей ночи прошли в каком-то суетливом сумбуре. Следовало кормить и лечить Серовойта, что-то делать с телом Аркадия, устраиваться на ночлег.

После обсуждения самым важным сочли здоровье княжича и безопасность. Потому решили тело вынести на лед и приставить охрану понадежнее.

— Засолим мерзавца, да я рун начиркаю, чтоб его гнилушная душа раньше времени на перерождение не ушла. Есть у меня к нему вопросики. — Лимала следила, как Угд чертит на лбу головы с выпученными глазами и раззявленным в крике ртом особую руну-ловушку. Такую использовали орочьи шаманы, чтобы на время задержать душу, которая им для чего-либо требовалась.

Старый орк шаманом не был, но в силу возраста кое-что знал и мог. Тело Аркадия с приставленной головой завернули в покрывало, сыпанув туда же соли из запасов повара, и наша компания двинулась на выход.

Князь решил, что ночевать они в тереме не станут. Очень ему не нравилось зеркало в спальне сына, да и не очистили еще родной дом от скверны чужой злой волшбы. Главное же их оружие с пушистой рыжей шкурой сейчас было абсолютно бесполезно. Требовалось ждать.

Охрана с Керганулом встретила их в сенях. Хмурые мужчины просветлели лицами, увидев своего вернувшегося князя с молодой женой почти невредимыми и идущего с ними Войтека. Княжич шел сам, хоть и медленно, опираясь на плечо отца, словно заново учился ходить, но шел.

К орку, шагавшему за ними с заляпанным кровью большим свертком из покрывала, настороженно принюхались и запереглядывались.

— Никак поймали да прибили злодея-то? — с надеждой решил попытать Войтомира глава совета. — И княжич никак теперь здоров?

— Нет, — не стал темнить и успокаивать волколаков тот. — Это не злодей, а так, прислужник. Серовойта спасли, но беду отвести совсем не сумели. Разве что разведали, кто стоит за всем этим, да что толку? Ушел ведьмак, злобная темная тварь колдовская. И ведь он, Керганул, тот самый, что сгубил мою семью. И как отыскать проклятого, пока не ведаю.

— Отыщем. — Кандага проскользнула вперед и вышла на крыльцо, подняв лицо к темному небу в точечках звезд. — Нам бы этого мертвяка пока пристроить где, чтоб не протух. Да охрану побойчей приставить. А чтоб в штаны не наложили ночью в карауле, с ними мой сынок посидит. Поздно уже дальше судить да рядить, завтра разбираться будем. Пора повечерять где-нибудь чем придется, да и переночевать бы нам.

Дом, точнее гостевую половину, Керганул им и предоставил. Стол его супруга накрыла как на праздник, хоть и косилась с подозрением на Лималу. Уж очень странно обходил кандагу супруг. Зато горячо благодарила Ольгу, когда узнала, что спасением своего сына обязана ей и бельчонку. Только что не в ноги кланялась. Белкиной было ужас как неловко.

Хоть хозяин дома являлся главой совета стаи, комнат для гостей у него имелось всего две. Оля было решила, что они с Лималой и Йонтеком разместятся в одной, а Войтомиру, наверное, надо с сыном побыть.

Только хозяева думали иначе.

Мальчишкам постелили в одной комнате, и Лимале там угол отгородили шторкой у печи. Вроде и отдельно, а как бы и за пацанятами присмотрит. Мало ли что.

Оле же с князем выделили спальню с большой кроватью. Дубовая, с мягкой периной, застеленная меховым покрывалом постель Белкину смутила. Как-то не готова она была к первой брачной ночи после всех событий, да еще и в чужом доме. Но сказать об этом Фенруте, жене Керганула, тоже не смогла.

Войтомир задержался, отдавая кому-то распоряжения об усилении охраны и чем-то еще. А Белкину сразу после позднего ужина проводили в выделенную супругам спальню.

Правда, имелся еще Павлентий, которого Ольга везде носила с собой, но фамильяр продолжал спать, и оставалось непонятно, сколько продлится этот эффект от переедания магической энергии.

Такой вот, нервной и взвинченной, устроившейся на самом краешке кровати и гладящей пушистую рыжую шерсть бельчонка, и застал ее вошедший в комнату муж.

Поначалу Войтомир, задумавшись, даже не понял, что что-то не так, но повисшее в воздухе напряжение заставило уже снимающего рубашку мужчину принюхаться.

Липкий запах нарастающей паники, который он уловил от Ольги, оказался словно ушат холодной воды. Войтомир устал за день и был вымотан сначала дорогой, где пришлось мчаться своим ходом, затем переживаниями за сына, боем с ним же и встречей с ведьмаком, которого князь считал мертвым. Все это и так не способствовало душевному покою. А ведь еще свербела гадкая мыслишка о том, что его жена была знакома с мерзавцем, шаставшим в его доме. Он помнил слова паскуды, за которые оторвал тому голову. Волчье чутье помогало не сомневаться

в невинности любимой супруги, но ее теперешняя нервозность настораживала. Может, все не просто так? Может, ей есть что скрывать?

В отличие от Белкиной, о первой брачной ночи Войтомир сейчас, как ни странно, даже и не вспомнил. Длинный день, саднящие заживающие раны, натруженные мышцы и чужой дом — все это никак не способствовало романтическому настрою. Все, чего хотел сейчас князь, — это уткнуться носом в теплое плечо Ольги, прижав ее к себе, чтобы чувствовать, что она в безопасности, и провалиться в сон.

Сорванная рубаха полетела в угол, и он плавно скользнул к их временной супружеской постели, заставив Белкину отодвинуться и сжаться в комочек.

— Оль? — Войтомир, следуя наитию, даже не стал пытаться заключать ее в объятия, просто присел на самый краешек кровати. — Почему не ложишься? Тебе поспать надо. День был тяжелый.

Поспать? Белкина с облегчением выдохнула про себя после этих слов и пожалела, что не разделась до его прихода и не забралась под одеяло. Посмотрит ведь, как она снимает одежду, и может передумать. Разве что попросить отвернуться, но ведь глупо, все-таки муж.

«Да уж, Олечка, — ругалась она сама с собой, — дожила до таких лет с невинностью, а теперь и что делать — не знаю. Хотя, не будь я такой порядочной, и в невесты бы меня Матильда не назначила. Не было бы у меня сейчас мужа».

Пока она терзалась противоречивыми мыслями на тему супружеского долга, ум князя занимали совсем другие вопросы.

— Тебе пришлось за меня замуж выйти? — эти слова как обухом выбили из головы девушки все нелепые терзания. — Ради безопасности? Или просто пожалела?

Ох как она взвилась, услышав такое! Даже не думая, моментально схватила подушку, чтобы треснуть ей дурного волка по башке. А потом вторую и...

Отобравший у нее очередную мягкую колотушку князь, смеясь, притянул ее к себе, а Оля уперлась ему в грудь и выпалила:

— Совсем идиот! Да как ты такое себе только вообразить умудрился?! Да я...

— Все, все... сдаюсь. Был неправ. — В отличие от людей, которым нужны слова, нюх оборотня тут же выдал Войтомиру все, что он хотел знать. — Но почему, когда я вошел, ты испугалась? Из-за Аркадия? Он был тебе кем-то близким в той жизни? Может, женихом, а ты его отвергла?

Белкина даже перестала упираться ему в грудь, уставившись на Войтомира как на неведому зверушку.

— Спятил? Никем он мне не был, я его два раза в жизни видела, и оба раза он только и делал, что меня обзывал и гадости говорил. Из-за него и его дружков я сюда попала, когда они собирались...

Ольга замолчала, но князь и так понял, что планировали сотворить мерзавцы, и сейчас очень пожалел, что гаденыш был здесь один, без приятелей. Он бы с удовольствием порвал в клочья их всех.

— Тогда почему испугалась? — Уткнувшись жене в шею, он гладил ее, молчавшую, сжавшуюся после эмоционального всплеска, даже жалеющую о своих словах. Как-то не готова была Оля пока вот так ему все рассказывать, душу выворачивать. Даже Павлентий не знал всех деталей, хоть, возможно, и догадывался. Теперь вот еще Войтомир пристал с ее страхами.

— Да не готова я женой быть! — выпалила она, не зная, как сформулировать и не провалиться от стыда. — Ну, в смысле...

И о чудо! До муженька, кажется, наконец-то дошло, дальше подбирать слова не понадобилось.

— Любимая моя, — нежно целуя жене шею, успокоил он Олю, — разве ж я не понимаю, что сейчас не время и не место? Да и надо тебя совету представить, нашу церемонию провести. Я ж не юнец пылкий да безголовый. Чем дольше потерплю, тем слаще потом будет.

Его шепот, полный чувств, опять промурашил Белкину с головы до ног.

— Сегодня спать. Завтра день тоже простым не будет.

Засыпала Оля в нежных объятиях мужа, счастливая и успокоенная.

Глава 5. Очень много дел

Утро пришло как-то очень быстро и внезапно. Все же проснуться оттого, что тебе надо спасать собственного фамильяра от собственного же мужа, — то еще развлечение.

Выспавшийся и, видимо, не сообразивший поначалу, что в постели Ольга не одна, Павлентий решил, что девушке хватит спать. Поскольку о половине событий дня минувшего бельчонок и понятия не имел, то посчитал, что надо напомнить ей о завтраке.

Рыжий подпрыгнул, чтобы приземлиться на холм из одеяла, на котором продрых остаток ночи, но взметнувшаяся из него рука успела сцапать его за хвост еще до приземления.

Верещание питомца и разбудило Белкину.

— Ты чего? Отпусти его сейчас же!

Она, ничего не понимая, спросонья смотрела на хмурящегося Войтомира. Князь же, который сцапал рыжего именно для того, чтобы тот не разбудил любимую, поморщился от досады, разжимая ладонь. Про то, что разбудить можно не только наскочившей тушкой, но и немелодичными воплями, он как-то не подумал.

Упав на одеяло, Павлентий осмотрел хвост. Потом уставился на виднеющиеся из-под мехового покрывала две взъерошенные, сонно моргающие головы и, видимо сообразив что-то, усовестился. Правда, ненадолго. Буркнувшее пушистое пузо тут же загнало все угрызения совести бельчонка куда подальше.

— Оль! Я есть хочу. Нет, вы можете не вставать, конечно, но хоть скажите меня тут... Э-э-э... А кстати, мы где? Да впрочем, неважно. Есть тут белкам дают?

Несчастный саблезубик по-прежнему шепелявил, и разобрать его картавое бубнящее присвистывание удалось с трудом. Войтомиру в этом помог его нюх, а Ольге — большой опыт общения с рыжим лакомкой.

— Внизу вроде должны накрыть в трапезной. Уже время. Иди, найдешь по запаху. Да передай, что мы тоже скоро будем. — Князю очень хотелось хоть на какое-то время избавиться от прожорливой мелкой живности, чтобы чуть-чуть понежиться в кровати с женой.

— А меня пофлуфают? — Ушки с кисточками на голове Павлентия дернулись.

Войтомир молча ткнул рыжему пальцем в район груди, где на шее у бельчонка на прочной цепочке — шнурки тот отверг — болтался небольшой медальон с затейливым знаком, печатью князей Клыкастых.

Рыжий закивал, печально пощупал неуменьшающиеся клыки и, спрыгнув с постели, устремился к выходу.

Правда, встать мужчине все равно пришлось. Открыть основательную дверь, ведущую в коридор, у фамильяра не хватило силенок.

Белкина исподтишка любовалась мужем, рассматривая широченные плечи в шрамах и аппетитный мускулистый зад, затянутый во что-то вроде укороченных подштанников на завязках.

Под пушистыми шкурами и так было жарко, но, когда туда снова нырнул Войтомир, Ольга почувствовала себя как в бане. Обнимающие ее сильные руки, нежные губы, горячий шепот о том, какая она красивая, но...

Бум-бум!

Князь негромко рыкнул с досады, а потом рассмеялся.

— Одного спровадили, так двое пришли на смену.

— Пап? — раздался хрипловатый голос княжича из-за двери. — Ваша белка сказала, что вы не спите. Все ждут вас в трапезной.

— Теть Оль, — вторил ему еще один не знающий деликатности недоросль, — давайте быстрее. Угд пришел и рассказывал, что мужик безголовый шевелился ночью и, кажись, сбежать хотел. Баба Лима сказала, сегодня поспрашиваем у него что-то, а потом сжигать будем. Мы ведь пойдем смотреть? А можно я подож...

Судя по резкому кхеканью, разболтавшемуся без меры Йонтеку ткнули кулаком под ребра, чтобы замолчал и не выдавал всех новостей.

— Идем. Сейчас оденемся и приведем себя в порядок. Не торчите под дверьми. Идите уже вниз к остальным, — отозвался Войтомир.

Потом Ольгу бережно вытащили из кровати и на руках отнесли в умывальню. К ее удивлению, цивилизованные условия у волколаков все же имели место. Не ванна с канализацией, конечно, но и не только баня и будка для нужд во дворе.

В просторной умывальне имелся рукомойник и даже огромная деревянная бадья. Наполнялась эта импровизированная ванна из металлической трубки наверху. Заметив любопытство жены, князь объяснил ей принцип работы своеобразного водопровода, оказавшегося какой-то системой подгорной гномьей инженерии. Грелась вода от печей и, конечно, пока шла по трубам, остывала, но все равно это было лучше, чем совсем ледяная.

— Если надо погорячее, то ее прислуга наполняет, а так и в баню можно сходить. — Войтомир явно гордился тем, как у них все устроено.

Туалет тоже имелся, хоть и в виде деревянного кубика с прикрытым крышкой отверстием. К большому удивлению выросшей в деревне Белкиной, запаха от него совершенно не шло. Это уже была не инженерия, а природа. Какие-то мягкие листья вместо бумаги, которые заодно при перегнивании блокировали все аммиачные миазмы.

Все это очень порадовало Ольгу, ведь в академии со всем справлялись специальные кристаллы, подзаряжаемые ведьмой. Чужой магии теперь девушка не доверяла, но и жить в комфорте тоже очень хотелось.

Пока она освежилась, муж уже раздобыл ей где-то новый наряд, причем, похоже, отвечающий именно местной моде. Судя по всему, если он и шился не для Белкиной, то был абсолютно точно никем до сей поры не надеванным.

Особенно восхитили Олю яркие вышивки по рукавам и подолу.

Завтрак прошел буднично. Пили чай, обсуждали ночные происшествия и то, что еще необходимо сделать.

Керганул сообщил, что совет стаи после обеда соберется на ритуальной поляне, чтобы посмотреть на новую жену князя и провести ритуал принятия.

— Только вот как по снегу туда добираться? Далеко, хоть тропа и имеется, — с сомнением посматривал он на Ольгу. — Разве что поедет на твоей спине, Войтомир. Сможет ли? Это же не лошадь, на тебя, князь, седелку не наденешь, засмеют.

— Смогу, — отвечала Белкина уверенно, хоть сомнения и имелись. В детстве на конях девушка, конечно, ездила, как и вся деревенская ребятня, в седле и без седла, по-всякому. Только ведь волк не кобыла, удержится ли?

«Снег мягкий, если и упаду, поди подберет муженек, не бросит», — со смешком решила она про себя.

Сдружившиеся мальчишки пытались накормить несчастного Павлентия, которому ужасно мешали клыки.

Лимала и жующий с аппетитом, будто и не дежурил всю ночь, Угд решали, где допросить покойного гаденыша Аркадия.

— Опасно его в зеркало запускать, мать, как бы не сбегла гнилая душонка. Подсели ее ведьмак куда-нибудь — и как бы беде не быть. Хоть и бесполезный был человечишка, но чую я всеми печенками, что он еще Лиднатиру нужен.

Орк ел обстоятельно, подгребая к себе со стола все, до чего мог дотянуться. Хозяйка то и дело подавала знак дочерям, чтобы принесли добавки, а сыновья Керганула с уважением посматривали на зеленокожего старика, явно завидуя его выносливости и аппетиту.

— Ничего. Подстрахуемся. Без зеркала надо было сразу попытать, но сил уже не оставалось, да и обмозговать следовало, что спрашивать, — отвечала Лимала.

Кандага была спокойна и чуть задумчива. Иногда она поглядывала на все еще бледного, но уже не такого болезненного княжича, что-то обсуждающего с новым другом. Нечто мелькало в ее глазах, то ли тревога, то ли едва уловимое и тщательно скрываемое опасение.

— Дом бы надо дочистить от пакости, что там везде понатыкали. Тем более если еще и этого... туда на допрос притащите. — Надолго стеснять хозяев своим присутствием Войтомир не желал. Князь хотел вернуться в родовой терем и навести там порядок.

Измазанный в жидкой каше печальный Павлентий, который больше ничего так и не смог прожевать, вздрогнул и выпучил испуганные глазенки.

— Оля, скажи ему! Мне некуда? — Его лапки демонстративно подергали за клыки.

— Так давай шерсть-то побреем, и заново отрастишь, — хмыкнул Угд. — Делов-то. А клыки, если сильно мешают, тоже вырвать можно. Поменьше потом себе магией сделаешь.

Не понявший, шутит его старый приятель в своей любимой манере или всерьез собирается выковыривать ему зубы, бельчонок, недолго думая, прыжком взметнулся вверх и уселся на балке под потолком, нахохлившись, как мохнатая сова.

— Павля, — позвала любимчика Ольга, — нам без тебя не справиться. Сообрази, куда и зачем магию расходовать. Может, что-нибудь можно сделать, чтобы клыки убирались, как когти у кошек, или складывались. Или сточить их обо что-то надо. Ты же единственный, кто может изничтожить ведьмачью магию, чтобы она не навредила.

Конечно, самолюбию фамильяра льстило, что он такой уникальный. Задумавшись, он даже начал опять щупать мешающие зубы, пытаясь сообразить, что с ними сделать, но Лимала не дала:

— Я покажу, обо что точить. Не тронь пока, они нам еще понадобятся. Как бы отращивать несколько раз не пришлось. И коготки отрасти. Не помешает, — велела она бельчонку.

— Спасибо, Керганул, за приют, хлеб-соль. — Князь, окончив трапезу, встал из-за стола. — Пора нам и честь знать да делами заняться.

В княжий терем возвращались они почти тем же составом. Разве что Серовойта Войтомир в дом не пустил. Велел с Йонтеком остаться во дворе, на что волчонок, в отличие от нового приятеля, совершенно не обиделся. Все же княжич был постарше паренька из приюта и понимал, что храбрость совсем не равна бестолковому геройству.

— Надо место для костра приготовить на задворках. Давай поможем страже, а нам, глядишь, поджечь этого гада дозволят, — предложил он свой план, наблюдая, как Войтомир и компания поднимаются на крыльцо и зеленый здоровяк тащит опять узел с мертвяком.

— Сначала допросим, — негромко посоветовала князю кандага. — Время уходит.

Ольга шла за мужем, неся в руках притихшего Павлентия, и думала, как попросить, чтобы ей разрешили тоже задать вопрос. Бельчонок, пока они шли, исподтишка все же умудрился отрастить себе коготь. Правда, головенкой опять не подумал. Решил на пробу сделать всего один, но переборщил. Коготь вышел прямо орлиный, и сейчас наш экспериментатор озадаченно держал его второй лапой, пытаясь понять, что с этим безобразием делать.

В спальне княжича, по-прежнему стылой и темной, Лимала с Угдом занялись приготовлениями. Все у этой парочки выходило как-то по-простому.

Старый орк, развернув покрывало, уложил на нем тело Аркадия, словно поросенка на противень, и, выудив из своего неизменного мешка чеплашечки, баночки, палочки, кисточки, принялся наводить покойнику странный марафет. Как будто дохлый мерзавец внезапно стал клиентом тату-салона.

Кисти рук и стопы покрыли выведенные жженым углем затейливые руны, на лице Угд рисовал уже кистью алым, чем-то похожим на кровь. У Белкиной в голове всплыло слово «киноварь».

Кандага же неторопливо, что-то ритмично и невнятно бормоча под нос, словно жующий жвачку рэпер, расставляла на полу у зеркала свечи. Потом поставила у головы покойника, которую опять приставили к шее, курильницу со скрюченной черной штуковиной, словно сплетенной из обожженной заскорузлой веревки.

— Мы начинаем? — Лимала посмотрела на князя, обнимающего за плечи укутанную в шубку жену. Ольга чуть дрожала и, не замечая, что делает, кусала губы, ей было жутковато. Все время казалось, что мертвяк вскочит и кинется на них, как зомби.

«Не надо было в свое время ужастики смотреть», — думала она, борясь с детским желанием зажмуриться. Небрежно оброненное зеленокожим поваром во время подъема на второй этаж упоминание о том, что ночью жмурик норовил сбежать, храбрости ей не прибавляло.

— Да я его головенку-то в мешке на дерево подвесил, — ответил орк на вопрос князя, как предотвратили побег. — Так что и держать не стали. Зачем? Он вокруг дерева круги наматывал, а мы в него на щелбаны шишки кидали. Кто-то из стражи принес целый мешок. Видать, для самовара в баньку заготавливали. Хорошо посидели. Весело.

Войтомир лишь головой на это покачал, думая, чем еще станет развлекать старик его охрану и насколько проникнется молодежь в стае своеобразным орочьим юмором.

Сейчас на вопрос кандаги князь тоже ответил скупым кивком, насторожившись, как лесной кот перед прыжком, мало ли что.

Угд по знаку матери сдернул покрывало, закутывающее кандажье зеркало, а женщина, полоснув себя по руке крошечным, с мизинец, но острым как бритва ножом, перетекла в истинную форму, загудев, как электропровода на сильном ветру. Капли ее крови, сияющие лиловыми всполохами, как искорки, упали на зажженный жгут в курильнице, и комната тут же наполнилась дымным туманом с запахом осенних прелых листьев.

Дым впитывался в темное стекло артефакта, и тот постепенно начинал светиться, словно внутри кто-то включил ночник.

Мужской силуэт проступил внезапно, стирая отражение замерших перед зеркалом кандаги и ее сына.

Белкина теснее прильнула к мужу, покрепче прижав к себе пискнувшего Павлентия.

Аркадий за стеклом был такой же, как при жизни, разве что полупрозрачный, да на лбу между бровями сейчас четко различался намалеванный красный знак в виде угловатых, сплетенных в кольцо линий.

— Он придет за мной. Вы еще пожалеете, — потирая призрачную шею, визгливо пообещал он, с ненавистью вглядываясь во всех, кто был в комнате, и стараясь не смотреть на собственный труп.

— Размечтался, — фыркнула Лимала. — Лиднатир уже бросил тебя вчера, дав понять, что ты просто расходный материал. Лучше бы о душонке своей гнилой подумал. Ведь как на перерождение уйдешь, так и дальше все сложится. Облегчил бы себе посмертие. Поверь, оно может быть крайне неприятным. Точнее, его может не быть вовсе.

— Что за чушь, сказочки про ад? Ты сама-то не чертиха, часом? — считая, что раз он призрак, то ему ничего уже сделать нельзя, презрительно оттопырил губу этот гаденыш, изучая странную черную сущность с бирюзовыми огоньками глаз.

Что-либо доказывать словесно этому утырку явно было бесполезно, да женщина и не собиралась. По ее знаку Угд забрал из рук Ольги ничего не понимающего рыжего бельчонка и поднес его к зеркальной раме.

— Коготок мешает? — не обращая внимания на призрака, который метался за стеклом, ища выход, обратилась Лимала к Павлентию, ласково улыбаясь.

Тот, прижав уши, кивнул, понимая, что сам оплошал.

— Так поскреби рамочку-то. — Улыбка кандаги превратилась в хищный оскал акулы. — Только об нее и сточится. И зубами погрызи.

Обнадеженный бельчонок, как оголодавший упырь, спрыгнул с рук орка и тут же вцепился когтями и зубами в резные финтифлюшки зеркального обрамления.

Раздался отвратительный скрежет, а за ним полный невыносимой боли вопль.

Аркадий, скорчившись за стеклом, выгибался, словно в пляске святого Витта, и орал не переставая.

— Хватит пока, а то спятит раньше времени. — Угд, подцепив рыжего за шкирку, еле отодрал того от зеркала. Коготь у бельчонка, как и клыки, стал заметно меньше.

Призрак покойника валялся неопрятной кучкой и поскуливал, трясясь, как от удара электрошокера.

— Ну что? Проникся? Разговаривать будем? — Лимала чуть замерцала и слегка поменяла облик, на миг явив жуткую морду ледяного монстра. Пасть дохнула морозом, и зеркало впитало его в себя, покрыв привидение мужчины инеем, как ветки деревьев.

Тот, клацая зубами, поднял на женщину переполненные ужасом глаза и торопливо закивал.

Глава 6. Допрос и смотрины

Хоть говорить Аркадий и согласился, но, как оказалось, допрос призрака — дело хитрое. Особенно если он не очень-то хочет делиться информацией. Самое главное было — уметь задавать вопросы. Просто так что-то рассказывать такой покойник не будет, спросишь — ответит. Видимо, Демичев, став мертвецом, это чуял и молчал, пока Лимала не задала первый вопрос:

— Как ты попал в этот мир?

— Через зеркало. — Мужчина ответил коротко и, разумеется, правду, но толку от этого оказалось немного.

Кандага усмехнулась и, как опытный следователь, тут же переформулировала:

— Тогда расскажи-ка нам подробно, как происходило твое попадание в зеркало, перемещение в этот мир и встреча с Лиднатиром. И не увиливай, максимально подробно, а то вон у белочки нашей еще зубки не точены, да и коготки.

Женщина кивнула на Павлентия в руках Угда, пушистик жадно поглядывал на резную раму зеркала.

В глазах призрака промелькнули злоба и безысходность. Лицо Аркадия конвульсивно дернулось в попытках скрыть эмоции, а потом он монотонно, как третьесортный лектор, начал рассказывать с того места, когда в зеркало провалилась Ольга:

— Я вон эту... пытался схватить, когда она начала на стекло падать, а она сквозь него прошла. Я не понял, кинулся стекляшку щупать, а руки-то в крови перемазаны были, из носа текло, после того как эта тварина меня звезданула. — Видимо, воспоминания накрыли, ненависть к толстой мерзавке притупила осторожность гаденыша.

Надежные руки мужа исчезли с Олиных плеч, и она поежилась, с удивлением увидев, что Войтомир уже стоит перед зеркалом с отросшими клыками и перекошенным от злости лицом, обрастающим мехом.

— Ты говоришь о моей жене! — Рычание князя заполнило низким вибрирующим звуком все помещение. — И я хочу знать: почему она тебя ударила?

Аркадий еще не успел ничего вякнуть в ответ, как ни в чем не повинный Павлуша был выдернут из зеленых рук орка и просто воткнут клыками в рамку, будто на два гвоздика прибили шкурку белки. Он даже возмутиться не успел и только выпучил глаза, вцепившись в резные финтифлюшки вокруг зеркала.

Стон дохлой тварюги, воображавшей себя когда-то альфа-самцом с манией вседозволенности, был переполнен мучительной болью.

— Войтомир, прекрати. Так он не сможет говорить, а нам много надо узнать. Его же не выбросило, как Ольгу, в лесу. Он оказался там, где был Лиднатир, и у ведьмака тоже есть кандажье зеркало, но в него мне не попасть. Поэтому я хочу знать, где оно. — Лимала аккуратно сняла с рамы бельчонка и снова отдала сыну. — На вопросы он и так ответит. Держи себя в руках. Для сведения счетов время еще не пришло.

Фамильяр самоуправству кандаги и волколака, тягающих его тушку, как ни странно, почему-то не возмутился. Очевидно, его порадовало, что коготок у него стал хоть и крупным, но вполне подходящим для его лапы. Теперь Павля, сосредоточившись, вознамерился отрастить себе его точные копии на всех конечностях.

— Отвечай! — опять раздалось рычание Войтомира. — Сначала мне отвечай. Почему Ольга тебя ударила и из-за чего стала падать?

— Ну толкнул чуток, вот и повалилась, а чего она мне лицо разбила? Подумаешь, потискал, другая бы радовалась. Сама бы расстелилась. Если уж папашку моего фальшивого обслуживала, то могла бы и мне, молодому и здоровому...

Тут не вытерпела уже сама Белкина. Правда, хватать фамильяра она не стала, как и подходить.

— Виктор Петрович был мне как отец! Не смей марать его своими лживыми выдумками. — Ее холодный как лед тон был четок и спокоен, хотя в груди бушевал пожар омерзения и жгучей ненависти. Как смело это ничтожество только подумать такое, еще и оправдывая дикими фантазиями свои мразотные замашки! — Ты с дружками решил, что я легкая добыча, развлечься вздумал. Как видишь, не вышло.

— Да если бы не зеркало мамашино, то ты бы тут сейчас из себя цацу не строила. Мы бы тебя с парнями... А-а-а-а...

Княжеское терпение было не безгранично, а его воображение моментально дорисовало, что произошло бы тогда. Павлентия опять посадили на раму точить клыки. Ох как жалел сейчас Войтомир, что ранее погорячился и лишил эту сволочь жизни. Все самые длительные и мучительные способы казни, что заслужила эта мразь, один красочнее другого, сейчас мелькали у него в голове.

Вопреки опасениям Лималы, бельчонка князь от зеркала убрал сам, но орку его не отдал. Посадил на пол рядом с артефактом и велел:

— Иногда разик проводи когтем. Сильно, но раз. А потом через время опять. Чтобы думал этот клоп вонючий, с кем говорит, и слова подбирал, отвечая. Не забывался.

— Рассказывай, что я велела. Да пошустрее. Если интересно будет и содержательно, то наш дружок заслушается да, глядишь, лишний раз не пошкрябает зеркало. — Кандага тоже решила, что Войтомир хорошо придумал.

Очень нервирует мысль, что не знаешь, когда огребешь.

Аркадий настороженно покосился на Павлентия, напыжившегося от осознания своей опасности, и продолжил рассказ с того момента, где закончил, чтобы не упоминать Белкину.

— Я ж не знал, что мамаша моя не человек и кровь у меня какая-то волшебная, — ноющим противным голосом бормотал он. — В зеркало затянуло, а потом комната пропала и рожи дружков тоже. Смотрю — на меня какой-то старый урод в шрамах пялится. Потом он на рамке что-то ткнул, и меня к нему под ноги вышвырнуло. Все.

— Куда? Где это место? С зеркалом. Опиши. — Лимала аж вперед подалась.

— А я почем знаю? В лесу где-то. Стена каменная, как ниша в скале, лес густой, кусты, деревья.

Разочарованной кандаге это ничего не дало.

— Точно не там, где Ольгу выбросило. Я там потом все облазил. И у нас леший живет. Он бы заметил неладное. — Невозмутимый, как всегда, Угд пожал плечами. — К тому же хоть Матильда и не ведьма, но Мильтильдина в своем зеркале другое-то поблизости и за сто верст учуяла бы, как и ведьмака при нем.

— От сына моего вам что надо было? — снова задал вопрос Войтомир.

— И откуда ты узнал, кто твоя мать и что отец тебе не родной? — вторила князю Лимала.

Аркадий скривился и снова покосился на Павлентия.

— Волчонок нужен был Лиднатиру, зачем — не знаю, — буркнул он. — Про кровь он что-то говорил. И про родителей тоже сказал. Точнее, про мать-суку, которая от него, беременная мной, на Землю сбежала. Еще и замуж вышла, тупая шлюха, а Демичев на ней с пузом женился. — Желчность и ненависть ко всем переполняли его гнилую душонку. — Я здесь ведьмаком мог стать. Самым крутым! Он сказал, что лично бы меня обучил.

Смех орка и кандаги заставил не только Аркадия, но и Олю с мужем опешить от удивления.

— Вот ведь дурачок. — Угд ржал как конь. — Мать, скажи ему. Я не могу. Он даже сейчас не понял. Ха-ха-ха...

— Видишь ли, — Лимала перестала смеяться первой, — ведьмаком или ведьмой можно стать, лишь лишив жизни своего родителя с этим даром. Такая инициация своеобразная. А увеличить силы можно, убив своего ребенка. Лиднатиру ты был несомненно очень нужен. Тем более что в тебе, помимо его крови, текла кровь Лиелтеи, кандажья кровь. И в твоей первой жене, князь, тоже была кровь кандаги, она же есть в твоем сыне.

Женщина, опять став орчанкой, подошла поближе к зеркалу, всматриваясь в побледневшего, то есть ставшего почти совсем прозрачным, призрачного покойника.

— Понимаешь, — медленно проговорила она, — кровь — не тот ресурс, который можно долго хранить, а еще она пополняется лишь в живом теле. Как только Лиднатир получил бы Серовойта, он убил бы тебя, чтобы стать еще сильнее, а княжич стал бы запасом кандажьей крови, хоть и изрядно разбавленной волколачьими генами. Ведьмак в свое время убил свою мать. Она, разумеется, была ведьмой. Лиднатир стал ее разочарованием, Карсалта хотела девочку, чтобы поживиться ее силой. Она не знала, что сын кандага принимает черты второго родителя. Так родился первый и, хвала небесам, единственный ведьмак этого мира.

Черты рыжей орчанки поплыли, и женщина стала маленькой сморщенной бабулькой с глухой застарелой тоской в глазах. Угд, стремясь ободрить мать, неловко и бережно обнял ее за плечи, а бельчонок, беспомощно глянув на эту сцену, вдруг взял и проскрежетал когтем по завитушкам рамы, что вызвало очередной истошный визг призрачного мужчины, резанувший слух.

— А что? — убрав лапку от зеркала, пожал он плечами на укоризненный Олин взгляд. — Бабушка Лима расстроилась же, ну я и вот. Отвлек.

Покойник перестал выть, затравленно косясь на мучителей.

— Я ничего не знаю. Ничего, — простонал он. — Отпустите. Меня просто отправили сюда, потому что я смог пройти, и все. Обратно я должен был вернуться вместе с мальчишкой. Тогда, когда тот не сможет становиться волком.

Белкина ужаснулась про себя равнодушию в голосе этого типа. Ведь знал же, что ребенка не конфетками угостят, и все равно был готов помогать за посулы мифического могущества и обучение магии.

— А что с Виктором Петровичем, ты знаешь? — Она надеялась, что до их встречи тогда, считая себя сыном Демичева, Аркадий хотя бы справлялся о здоровье отца. Пусть из желания унаследовать квартиру, но хоть какими-то сведениями располагал.

— А что этому инвалиду сделается? — В голосе дохлого гаденыша прозвучало пренебрежение. — Подлечили, конечно. Дружки его небось подсуетились. Консилиум собрали. Лучше бы сдох, чем вот так своим убогим существованием всем жизнь портить. Видел я его в зеркале...

Сообразив, что слишком разболтался, он замолчал, но было поздно.

— Видел? — встрепенулась кандага. — Человека в том мире? Выходит, зеркала не простые, связаны. Потому в них и не попасть. Ис'мер'кандов треугольник. Одно в том мире, одно у ведьмака и последнее вот.

Женщина кивнула на пленившее душу Аркадия стекло.

— Причем на своем Лиднатир что-то сделал. То, что держит пути. Потому я и не могу к нему добраться.

— А если мы найдем его, то дядю Витю сможем к себе забрать? — с робкой надеждой спросила Ольга и просияла после уверенного кивка Лималы.

Правда, как найти, никто не знал.

— А с этим что? — Князь ткнул в зеркало на стене, а потом себе под ноги, где лежал разрисованный труп.

— Ну явно не на мясо, гниль одна, а не человечишка. Такую падаль даже гоблоиды-изгои в голодный год жрать не станут, и стервятники побрезгуют, — как всегда, блеснул черным

орочьим юмором Угд. — Сожжем, да и ладно. Пепел соберем и в нужник зароем. Глядишь, лет через десять перепреет да вырастет что более путное. Скажем, лебеда, гусей кормить.

— Я же все сказал! Как это «сожжем»?! — Аркадий визжал резаным поросенком, как будто ему до этого воскрешение пообещали. — Вы не имеете права! Я требую...

— Павлентий, он, кажется, не понял, что вечный покой — это и есть награда, — сверля взглядом мечущегося в зеркале призрака, оскалился Войтомир. — Но раз требует, то мы не против. Лимала, это зеркало можно уничтожить? Не нравится мне, что та тварь может в любой момент опять объявиться, и непонятно, с какими сюрпризами.

Кандага внимательно рассматривала артефакт сквозь бывшие очки Матильды. В некоторых местах ощупала раму, а на углах стекла шкрябнула отросшим практически медвежьим когтем трансформировавшейся руки.

— Я-то, дура старая, жалостливая, думала на потом это оставить. Как кострище прогорит, — развела она руками, — но можно и так. Все равно голосит, как пьяный гном, которому хозяйство его меж камнями зажало.

Старик повар упаковывал тело, игнорируя верещание мертвяка, а князь Клыкастый, морщась, махнул бельчонку:

— Можешь точить хоть клыки, хоть когти. Потом, как эта штука работать перестанет, беги на задний двор. Мы там будем. Времени у нас немного, нам с Ольгой скоро в путь.

К удивлению Белкиной, обычно трусоватый Павлентий обрадовался, попросив только двери не запирать.

— И может, вы кого там у лестницы поставите меня подождать? Вдруг что не так пойдет? — добавил он, примериваясь к резным завиткам, выполненным неизвестным мастером.

Войтомир пообещал, и они наконец-то покинули бывшую спальню Серовойта под душераздирающие визги и ор призрака.

Вряд ли когда-нибудь Аркадий Демичев думал, что есть вещи страшнее смерти. Сейчас призрачный мужчина с ужасом пялился на зубастую, как вампир, белку, собир эхающуюся закусить деревянной рамой зеркала.

Жалости к мерзавцу никто не испытывал, но и ждать, пока фамильяр справится в одиночку, никто не планировал, кострище подготовили заранее. Хворост на утоптанном снегу сложили кольцом, точнее даже чем-то вроде гнезда, которое обильно посолили из мешка по указке кандаги, накидали сушеной пижмы и засунули в центр труп, увязанный в покрывало.

Угд, покопавшись в торбе, выудил фляжку с какой-то бурой жижей и пропитал ей факелы.

Йонтек с Войтеком вертелись под ногами, прося дать им тоже подпалить гада. Отказывать настрадавшемуся сыну князь не захотел, ну и его нового приятеля не стали обделять. Дрова мальчишки, помогая страже, таскали вместе.

Вспыхнуло погребальное гнездо вонючего клопа Аркаши вмиг. Горело и полыхало любодорого. Волколаки толпились на княжеском дворе, парни помоложе взобрались на забор, женщины теснились в воротах.

— И-и-и... а-а-а-а... с-с-суки-и-и...

Искаженное мукой лицо из дыма возникло над огнем и рассыпалось от вспышки множества искр, взвившихся из костра.

Кандага посветлела лицом и обернулась к Белкиной с князем, улыбнулась.

— Ну вот, одним мерзавцем в мире стало меньше. Терем мы вам почистим. Придется, видимо, уступить Павлуше стеклышко из очков, чтобы без тебя, Оля, справиться. Только обмозгуем с местными кузнецами, как закрепить на нашем рыжем. А вам пора.

Йонтека, дернувшегося было с вопросами и желанием тоже ехать с Белкиной и князем, остановил княжич. Серовойт хмуро шепнул что-то пареньку, и сирота отступил.

Оля уже не раз ловила на себе странный взгляд единственного сына князя. Вроде и не злой, но, кажется, подростку жена отца не сильно пока пришлась по душе.

«Надо бы узнать, что не так, — мысленно пообещала себе девушка, — сразу как вернемся».

Только вот в тот день они не вернулись. Да и на следующий тоже.

С трудом добравшись по рыхлой узкой тропе на ту самую поляну, Ольга едва успела сползти со спины мужа, как из леса, окружая пару, начали выходить, сверкая глазами, матерые темно-серые волки. И они были не одни.

Несмотря на зимнюю пору, вспахивая своей тушей сугробы, меж елок вместе со стаей появился огромный черно-бурый с проседью одноухий медведь.

Глава 7. Зачем волку берлога?

Круг мохнатых тел сужался, но хуже всего было то, что Войтомир внезапно шагнул назад и словно бы тоже затерялся в стае.

Волки пошли по кругу в своеобразном хороводе. То один, то другой поднимал морду, оглашая тишину снежного леса тоскливым воем. Медведище же просто плюхнулся на мохнатый зад и застыл, лишь периодически сопел и фыркал.

Ничего не понимающая Белкина стояла, озираясь и пытаясь среди хищников найти взглядом князя.

То один, то другой волк вдруг покидал круг и подходил к женщине, внимательно глядя на нее, а потом возвращался.

И когда в очередной раз еще один зверь двинулся к ней, Оля обрадовалась, потому как узнала.

«Попался», — усмехнулась она про себя. И не успел волколак приблизиться, как она шагнула навстречу и крепко ухватила его за ухо.

— Что тут происходит? Это вам в шкурах хорошо, а у меня ноги замерзли в снегу стоять, — склонившись к схваченному замершему мужу, спросила она громким шепотом.

Стая хором взвыла. Медведь хрюкнул, давясь смехом, а потом снег полетел во все стороны, когда вокруг Ольги начали разгибаться и вставать крепкие разновозрастные мужчины, обернувшиеся из звериных тел в человеческие.

Последним стал топтыгин, и в людском обличье он выглядел на редкость экзотично. Вся одежда этого плечистого кряжистого индивидуума пестрела цветными заплатками из разного материала, борода, седая и длиннющая, была сплетена в косу и затянута золотой проволокой. Ноги же и вовсе были босы, что не имело никакого значения, поскольку от медвежьих лап они практически не отличались, волосатые ступни щеголяли кривыми черными когтями.

— Хороша, — гоготнул он, пока остальные переглядывались и перешептывались. — Враз узнала, хоть и человек без нюха. И не напужалась вас, хотя могла бы уши заткнуть. Поете вы так себе. То ли дело я.

— Да твое пение — просто рев. Лоси во время гона и то музыкальнее трубят, — загомонили в ответ задетые за живое волколаки.

«И это совет старейшин? — поразилась про себя Белкина. — Что за ерунда? Зачем меня сюда на эти смотрины вообще понадобилось тащить? Балаган какой-то».

Мужчины один за другим подходили к ней и тоже ставшему человеком князю Клыкастому. Войтомира хлопали по плечу, а Ольгу бережно брали за руку, прикладывали ее кисть ладошкой к носу и вдыхали, запоминая запах. Потом кланялись и каждый представлялся, разве что кроме Керганула, который был ей знаком.

Бывший медведь шел последним. Обнюхивать не стал, да и кланяться тоже.

— Держи, девица, да не набедокурьте мне там, — с этими словами он протянул Белкиной большой, с ее ладонь, деревянный резной ключ. — Пусть духи лесных предков хранят ваш союз и даруют счастье.

«Вроде как благословили», — отметила Оля про себя, оценивая взгляды, жесты, опасаясь неодобрения или подвоха. Она помнила, как не понравилась вначале Керганулу, да и примеченная настороженность княжича вызывала беспокойство.

Сгрудившись в кучу, мужчины вновь вернули волчий облик и молчаливыми тенями растворились в лесу.

Улыбающийся князь давно обнимал ее за плечи.

— Идите уже. Загляну, как вернетесь. Пока же навещу нашу дриаду, — рыкнул им косолапый и, тоже обзаведясь шкурой, побрел в кусты.

Хлоп — и не ожидавшую подвоха Олю, как пушинку, — при ее-то весе — подхватил на руки муж.

— Скоро придем. Ключик держи крепче, родная, — жарко шепнул ей он. — Не всем Бердегдорф дарует такое право. Нас приняла не только стая, но и все Темнолесье. Главное — завершить ритуал.

Очень хотелось поинтересоваться, что за ритуал, но почему-то Оля спросила про другое:

— А кто он, Бердегдорф?

— Бродяга. Хранитель лесного края и духов предков всех живущих тут оборотней. — Князь говорил спокойно и шел по колено в снегу в одном лишь ему известном направлении. — Жаль, что не всесилен он и, как бы ни был быстр, оказаться там, где творится зло, моментально не может.

Мужчина замолчал, оставив что-то недосказанным.

А через пару минут кивнул в сторону нескольких молодых елочек, зеленеющих в снегу. Из-под них поднимался парок, словно кто-то огромный дышал, спрятавшись в сугробах.

Но все оказалось гораздо проще. Темная дыра за одним из деревьев была самой настоящей медвежьей берлогой, и туда, судя по всему, они сейчас намеревались зачем-то залезть.

Вход был достаточно большой, чтобы зайти гусиным шагом или залезть на корточках. Правда, торчали присыпанные снегом ветки или корешки, но, пока Ольга раздумывала и собиралась спросить зачем, муженек уже ужом скользнул в темноту.

— Давай руку. Дальше совсем просторно, тут только вход такой, — позвал он жену.

Белкина согнулась, пытаясь хоть что-то разглядеть внутри, и сунула в нору ладонь в вязаной рукавичке.

Хоп — и ее тут же сильно дернули. Не успела она испугаться, как поняла, что стоит прямо, крепко обнимаемая Войтомиром.

— Смотри, — шепнул ей на ухо он.

Буквально пару секунд Оля не понимала, что должна увидеть в этих потемках, а затем что-то засветилось. Это пальцы мужа, словно кисть художника, прошлись по стене, потом дальше. Движение за движением, мазок за мазком.

Они стояли в небольшой земляной, точнее, скорее глинистой пещерке. Куски булыжников, корни и плотная земля, сплетясь, образовали неровные прочные стенки, и на них, словно по волшебству, сейчас сияли золотисто-зеленым светом фигурки волков и людей. Они были как живые. Охотились, пели, строили дома или рыли норы. Только в одном месте прямо напротив входа, из которого сквозило морозным воздухом, рисунков не было. Там была дверь. Странная, словно из березового неокоренного горбыля, с ручкой-сучком и большим засовом, запертым на замок.

Вот над замком восхищенная Ольга просто застыла. Как это можно было сделать, она даже не представляла.

— Янтарь... — завороженно прошептала она, сжимая во вспотевшей от волнения ладошке деревянный ключик к этому чуду.

— Нет, — улыбаясь, нежно фыркнул ей в шею князь, щекоча дыханием. — Это мед. Очень-очень старый, пропитанный магией поколений лесного народа. Место для истинных пар, только к ним выходит сам Бердегдорф и дарует право завершить здесь самый сладкий ритуал в жизни супругов.

Вот только тут наша Олечка и поняла, зачем они здесь оказались. Совет советом, а медведь-то мог и не явиться. Что тогда было бы, она не знала, да и думать не сильно хотелось.

— Открывай. — Жаркий шепот мужа и его руки, которые непонятно когда расстегнули шубку и уже оглаживали ее пока прикрытый блузкой шестой размер, чуть не заставили ее выронить «золотой ключик» от их лесного номера люкс от «Медведь и Ко».

Руки дрожали, и вставить резную штуковину в скважину замка получилось не сразу. Войтомир помог. Щелкнув, дверь с легким скрипом распахнулась и так же закрылась обратно, как только они вошли внутрь.

Мягкий, видимо магический, свет залил сферическое, будто яйцо, помещение размером с небольшую комнату. Стены золотились и пахли медом, клеверным лугом и свежестью летнего дождя, это зимой-то.

На полу лежала груда настеленных меховых шкур, на небольшом плоском камне в стороне стояли кувшины и накрытая чистой тряпицей корзинка. Еще Оля успела приметить что-то вроде темного пятна у острого конца этого «яичка», но это было последнее, что она запомнила до того, как ее и правда накрыло сладкой медовой волной чувств и страсти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.